

УДК 001

А.Г. АЛЛАХВЕРДЯН, кандидат психологических наук, руководитель Центра истории организации науки и науковедения Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, e-mail: sisnek@list.ru

РЕФОРМА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК: КАК ОНА НАЧИНАЛАСЬ В 2013 г. (КАДРОВЫЙ АСПЕКТ) *

28 июня 2013 г. на рассмотрение Госдумы РФ вынесен законопроект о реформировании Российской академии наук (РАН). В статье приведены результаты науковедческого анализа тезисов выступления О.Ю. Голодец, заместителя председателя правительства Российской Федерации по социальным вопросам, направленных на доказательство неэффективности кадрового корпуса РАН: «среди 95 тысяч занятых в Российской академии наук научных работников, тех, кто занимается наукой, всего 45 тысяч»; «сегодня наша молодежь отрезана от системы Академии наук: среди сотрудников, занимающихся научными исследованиями, больше половины исследователей находится в пенсионном возрасте и старше»; «сегодня по данным нашей официальной статистики ежегодно около 2 тысяч молодых ученых покидают Российскую Федерацию для того, чтобы вести исследования в зарубежных институтах»; «Академия наук должна создать условия для развития науки, для реализации потенциала тех людей, которые хотят проявить себя на научном поприще». Показана некорректность использованных ею статистических данных и других аргументов в пользу принятого Госдумой РФ законопроекта о РАН. Сделан вывод, что промежуточные результаты реформы РАН носят неоднозначный и противоречивый характер, подвергаясь активной критике научной общественностью, в то время как власть продолжает игнорировать многочисленные замечания и предложения по реформированию академической науки.

© АЛЛАХВЕРДЯН А.Г.,
2017

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 17-03-00885) и Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН (плановая тема 103.2).

Ключевые слова: Госдума РФ, Российская академия наук, законопроект о реформировании РАН, научные работники, исследователи, научно-вспомогательный персонал, молодые ученые.

Полемика между российской властью в лице Министерства образования и науки и руководством РАН до летних месяцев 2013 г. носила периодически вспыхивающий и затухающий характер, но законодательная инициатива правительства оказалась весьма неожиданной, подобно «скрытно-войсковой» спецоперации. 28 июня 2013 г. на рассмотрение Госдумы РФ был внесен законопроект о реформировании РАН за подписью председателя правительства Д.А. Медведева, назначившего своего заместителя по социальной политике О.Ю. Голодец официальным представителем правительства при рассмотрении данного законопроекта. Инициатива правительства оказалась неожиданной не только для руководства РАН и широкой научной общественности, но даже для депутатов Госдумы РФ. Отсюда тот неподдельный шок, а затем и последовавшая небывало интенсивная острота дискуссий во всех «мыслящих» слоях общества. Если в начале 1992 года шоковую терапию испытало все российское население, то теперь эта «удача» выпала на долю академического сообщества.

Трехмесячные дебаты, завершившиеся осенью 2013 г. принятием Федеральным собранием РФ законопроекта о государственных академиях, уже стали достоянием современной истории отечественной науки. Однако думается, это не «последняя страница» в сложной, почти 300-летней истории взаимоотношений власти и академического сообщества в России. Поскольку в дальнейшем не исключены новые коллизии в их взаимоотношениях, важно проанализировать недавние действия правительства по дезинформации депутатского корпуса Госдумы путем использования недостоверных статистических данных и аргументов в защиту законопроекта о реформировании РАН, а также извлечь из них уроки.

При рассмотрении законопроекта о реформировании РАН в Госдуме его изложение взяла на себя О.Ю. Голодец. Выбранная ею логика защиты законопроекта состояла из двух частей: обосновывающей и содержательной. Главные тезисы обосновывающей части состояли в попытке доказательства и убеждения депутатов Госдумы в неэффективности использования имущественных и кадровых ресурсов РАН. Оставляя в стороне вопросы имущественного характера, находящиеся в компетенции специалистов по экономике и финансам, мы сосредоточимся на профессионально близких нам статистических и социологических вопросах использования кадровых ресурсов РАН. При обосновании своих тезисов О.Ю. Голодец, по ее словам, опиралась на данные официальной статистики. Хотя она прямо не указала конкретный источник этой статистики, мы, комментируя ее выступление, будем использовать исключительно материалы официального общероссийского статистического сборника «Индикаторы науки», выходящего

под тройственным грифом Министерства образования и науки России, Федеральной службы государственной статистики и Высшей школы экономики. Более достоверных данных в России нет.

Итак, первый тезис О.Ю. Голодец (дословно): *«На сегодняшний день среди 95 тысяч занятых в Российской академии наук научных работников, тех, кто занимается наукой, всего 45 тысяч»*. Непосвященный читатель мог понять это так: в штате РАН 95 тыс. научных работников (по статистической терминологии — «исследователей»), а работали всего лишь 45 тыс., остальные же, судя по тональности выступления, видимо, просто числились. В реальности же, согласно упомянутому статсборнику, «тех, кто занимается наукой» было не 45 тыс., а 54 тыс. (точнее — 53 702) исследователей [1, с. 172]¹. Возникает вопрос: откуда же все-таки взялась цифра в 95 тыс. научных работников? Такая цифра действительно существует, но она включает не только 54 тыс. исследователей, но и так *называемый научно-вспомогательный персонал (НВП)* числом в 41 тыс. (точнее — 41 243) чел. В НВП входят три категории работников: 1) *техники* — работники, участвующие в исследованиях и выполняющие технические функции (эксплуатацию и обслуживание научных приборов, вычислительной техники, подготовку материалов, чертежей, проведение экспериментов, анализов и т. п.), 2) *вспомогательный персонал* — работники, выполняющие вспомогательные функции, связанные с проведением исследований (сотрудники патентных, научно-информационных, библиотечных, планово-экономических подразделений; рабочие, осуществляющие монтаж, наладку, обслуживание и ремонт научного оборудования и т. п.), 3) *прочий персонал* — включает работников по хозяйственному обслуживанию, работников бухгалтерии, кадровой службы, канцелярии, машинисток и т. п. [1, с. 396].

Таким образом, на каждого исследователя приходилось менее одного научно-вспомогательного работника. Без НВП работа исследователей весьма затруднена, а иногда и вовсе невозможна. Если успех в работе гуманитариев (историков, лингвистов, искусствоведов и др.) и математиков зависит от НВП в меньшей степени, то ученые-естественники (физики, биологи, химики и др.) без активного участия НВП проводить эксперименты в научных организациях не могут. То же самое имеет место во всех других организациях, включая, например, Госдуму: есть основной депутатский корпус (ядро) и есть вспомогательный персонал. Можно ли представить себе ситуацию, чтобы депутаты сами, без содействия своих помощников и сотрудников аппарата Госдумы, могли нормально и, главное, результативно работать? Каждый из 450 депутатов имеет право нанять на оплачиваемую консультативную работу 5 помощников, а помимо них пользоваться услуга-

¹ Здесь и далее статистические данные приводятся на начало 2012 г., поскольку официальные статистические сборники публикуются с задержкой, как правило, в 1,5 года.

ми десятков внештатных сотрудников, не говоря уже о многочисленном вспомогательном аппарате в самой Госдуме. Депутатский корпус — это кадровое ядро Государственной Думы, а штатные помощники и десятки других привлеченных работников — это профессионально значимый и необходимый вспомогательный персонал, без которого деятельность депутатов была бы попросту невозможной или весьма неэффективной. По аналогии, такая же ситуация имеет место в научных организациях РАН. Таким образом, упрек О.Ю. Голодец в неэффективном использовании кадровых ресурсов РАН не имеет достаточных оснований.

Тезис второй О.Ю. Голодец: **«Сегодня наша молодежь отрезана от системы Академии наук: среди сотрудников, занимающихся научными исследованиями, больше половины исследователей находится в пенсионном возрасте и старше»**. Во-первых, не половина, а одна треть исследователей РАН в тот период находилась в возрасте старше 60 лет (34 %), хотя, надо признать, и это очень много. Во-вторых, эта тенденция наблюдается не только в академической, но также, хотя и в меньшей степени, в вузовской (23 %) и отраслевой (24 %) науке [1, с. 176, 203, 231]. Иначе говоря, феномен старения корпуса научных кадров — это *общая негативная тенденция всей российской науки*. Она становится особенно очевидной, если сравнить ее с советской наукой 1980-х гг. Так, в 1987 г. доля научных работников пенсионного возраста составляла всего 5 % [2] от общей численности ученых СССР. Что касается ученых РАН, то, на наш взгляд, доля исследователей пенсионного возраста в РАН могла бы существенно снизиться, если бы высококвалифицированные специалисты (кандидаты и доктора наук), желающие уйти на заслуженный отдых, получали бы достойную пенсию. Что касается исследователей РАН молодого возраста (до 29 лет), то в последние годы их доля росла и к 2012 г. достигла 14,2 % от общей численности академических ученых. Для сравнения, в 1998 г. эта доля составляла всего 8,9 % [3, с. 193]. Если же показатель «молодости» российской науки сравнивать с советской наукой (включающей и ее академический сектор), то он оказался (14,2 %) даже более высоким, чем в 1987 г. (12 %). Другое дело, что молодежь советской академической науки реже уходила в другие сферы деятельности и чаще «переходила» в следующую возрастную категорию научных работников (30—39 лет). Поэтому, если в академической науке СССР (1987 г.) доля научных работников в возрасте 30—39 лет составляла 33 %, то в Российской академии наук (начало 2012 г.) — только 17 % [1, с. 46].

Тезис третий О.Ю. Голодец: **«Сегодня по данным нашей официальной статистики ежегодно около 2 тысяч молодых ученых покидают Российскую Федерацию для того, чтобы вести исследования в зарубежных институтах»**. Как видно из текста, речь идет не только о молодых ученых РАН, а о научной молодежи всех трех основных секторов российской науки: государственного (куда входит и РАН), вузовского и отраслевого (по новой статистической терминологии — предпринимательского). Ученые на время

проведения исследований, преимущественно экспериментальных, порою временно покидают Россию для работы в зарубежных лабораториях. Здесь речь идет, прежде всего, об исследованиях в области физических, биологических и химических наук, когда ученые крайне нуждаются в новейшей высокоточной и дорогостоящей научной аппаратуре для проведения экспериментов. «Многие молодые ученые, — отмечает нобелевский лауреат академик Ж. Алферов, — уезжают сегодня за рубеж не только из-за маленьких зарплат, но и, прежде всего, потому, что не могут заниматься экспериментальной наукой на оборудовании 20—30-летней давности» [4]. В том, что ученые не только молодого, но и более старшего возраста порою вынуждены проводить некоторые экспериментальные исследования за рубежом, виноваты не академики, а устаревшая научная аппаратура в РАН, на которую государство выделяет мизерную сумму, не сопоставимую с подобными затратами в ведущих странах мира. *Дефицит высококлассной научной аппаратуры — это «ахиллесова пята» не только российской науки. Трудности с такого рода аппаратурой часто испытывала и советская наука.* Власть и ранее, как правило, недооценивала значимость высококлассной научной аппаратуры для эффективности научных исследований.

К примеру, не так давно, в рамках так называемого «пилотного проекта», проведенного в РАН в 2006—2008 годах, непременным условием повышения правительством зарплаты научным сотрудникам академических НИИ, как это ни парадоксально, было «замораживание» роста расходов на научную аппаратуру в период трехлетней реализации этого проекта. О проблемах инфраструктуры научных исследований, будучи президентом, с сожалением говорил и Д.А. Медведев: «Здесь у нас пока большой провал <...> как только речь идет об исследованиях — сразу возникают проблемы, потому что наша лабораторная научная база, к сожалению, довольно серьезно устарела. Мы ее за последние годы не развивали, а если развивали, то только в крупнейших научных центрах, таких как Московский университет, Санкт-Петербургский университет» [5].

Тезис четвертый О.Ю. Голодец *«Андрей Константинович Гейм, нобелевский лауреат <...>, воспитанник Физтеха. И сегодня горько и обидно, что этот человек категорически не хочет работать в системе Академии в наших исследовательских институтах. Действительно, Академия наук должна создать условия для развития науки, для реализации потенциала тех людей, которые хотят проявить себя на научном поприще».* Сначала вспомним о причинах отъезда А. Гейма за рубеж, который покинул страну еще в советский период (1990). Ученый сам рассказывал в 2008 г., еще до получения Нобелевской премии (2010), почему он уехал из СССР: «На физтехе первые пять лет дают базовое образование, а потом направляют в академические институты, включают в обычную институтскую деятельность. Образование мы получили очень хорошее, просто блестящее, а вот экспериментальная база науки представляла собой печальное зрелище <...> Я работал в одном

из лучших академических институтов — Институте твердого тела РАН. В 90-м году получил стипендию Английского королевского общества и с тех пор в Россию возвращаюсь только на каникулы. Возможности для работы там и тут — небо и земля. А работа — очень большая часть жизни» [6]. Однако организовать высококлассную и дорогостоящую «экспериментальную базу науки» и тем самым обеспечивать «возможности для работы» — это прерогатива российской власти. Пока она не преодолеет огромную дистанцию между «небом и землей», т. е. не создаст благоприятные условия для работы, как минимум стабильную и постоянно совершенствуемую экспериментальную инфраструктуру исследований, наши ученые будут, как и прежде, уезжать и в редких случаях возвращаться. «Рецепт» весьма запоздалого, хотя и возможного возвращения на родину лауреата Нобелевской премии А. Гейма лаконично сформулировал его коллега и сообладатель премии К. Новоселов, который еще за несколько лет до ее присуждения говорил, что для успешной «работы ему и А. Гейму необходимо 3—4 квалифицированных техника, 3 кандидата наук, 3 студента, в сумме это около \$ 350 000 в год плюс оборудование за \$ 5 млн., на поддержку которого надо ежегодно тратить около \$ 150 000. В переводе на рубли приглашение А. Гейма и К. Новоселова в Россию стоило бы государству разовых затрат в размере 150 млн рублей и 15 млн рублей ежегодно» [6]. Для сравнения, бюджет госкорпорации «Роснано» исчисляется десятками миллиардов рублей.

Пока правительственные чиновники не осознают свою ответственность и историческую роль в подлинном (не имитационном) развитии отечественной науки, в ней мало что изменится. В своих управленческих решениях и практических действиях, в особенности касающихся крупных социальных проектов, госчиновники должны опираться на знания и опыт не «карманных», а действительно независимых экспертов, включая академических ученых. Не так давно о взаимоотношениях власти и науки академик Е.П. Велихов писал следующее: «Правительство <...> не должно относиться к науке, как пьяница к фонарному столбу, используя его как поддержку, а не как источник света. А то ведь чиновники у нас сами все знают, а от экспертов ждут только солидного обоснования правильности своих действий» [7].

Проведенный нами науковедческий анализ выступления О.Ю. Голодец, направленного по замыслу на доказательство неэффективности кадрового корпуса РАН, свидетельствует о некорректности использованных ею статистических данных и других аргументов в пользу принятого Госдумой законопроекта о реформировании РАН, а именно:

1) Из 95 тыс. работников в системе РАН, не 45 тыс., как отмечала О.Ю. Голодец, 54 тыс. работников были заняты собственно научной деятельностью (это, согласно статистической терминологии, «исследователи»). Оставшиеся же 41 тыс. работников — это *не балласт* академического сообщества, а крайне необходимый научно-вспомогательный персонал, без

которого полноценная научная деятельность РАН, особенно в области естественных и технических наук, невозможна.

2) Постсоветский феномен старения научных кадров является общей болезненной тенденцией во всех без исключения секторах отечественной науки (академическом, вузовском и отраслевом). Поэтому и решаться она должна *комплексом мероприятий на общегосударственном*, а не только на академическом уровне. Одно из возможных мероприятий — разработка и введение в правовое поле российской науки понятия «научной пенсии» (по размеру близкой к пенсии госслужащих), ориентированной на корпус исследователей в возрасте старше 60 лет, продолжающих работать в научных организациях РАН. Если даже только 10 % исследователей пенсионного возраста воспользуются «научной пенсией», т. е. добровольно уйдут из академических НИИ, то в РАН появятся сотни вакансий для набора исследователей молодого и среднего возраста.

3. По мнению О.Ю. Голодец, ежегодно 2 тысячи молодых ученых вынужденно покидают РФ для проведения исследований в зарубежных институтах. Но это, как мы пытались аргументировать выше, не вина безразличного к судьбам молодежи академического руководства, а отсутствие, прежде всего, высококлассной и дорогостоящей научной аппаратуры в академических НИИ естественнонаучного и технического профиля. На наш взгляд, *масштабы временной миграции молодых ученых за рубеж, а возможно и их эмиграции, могут существенно возрасти*, если государственный подход к вопросам материально-технического обеспечения научных исследований не будет кардинально изменен.

4. По эмоциональному высказыванию О.Ю. Голодец, «сегодня горько и обидно» осознать, что Нобелевский лауреат А.К. Гейм «категорически не хочет работать в системе Академии, в наших исследовательских институтах». Но и здесь, как мы пытались ранее показать, дело не в том, что возвращению А.К. Гейма и других ученых российской научной диаспоры как-то препятствует руководство РАН. Одна из главных причин, на наш взгляд, в том, что ввиду недостаточного финансирования российской науки большинство академических НИИ не имеет возможности приобретать зарубежную высококачественную и дорогостоящую аппаратуру для проведения экспериментальных исследований. Если до принятия законопроекта о государственных академиях некоторые представители российской научной диаспоры еще строили планы возвращения на родину, то после передачи академических организаций в ФАНО² они в большинстве своем изменили намерение вернуться на родину в ближайшей перспективе.

В заключение отметим, что начатый четыре с половиной года назад процесс практического выполнения мероприятий по реформированию академической науки еще весьма далек до решения заявленных властью

² ФАНО России — Федеральное агентство научных организаций России

задач. Стимулированные ФАНО промежуточные результаты носят весьма неоднозначный и противоречивый характер, подвергаются активной критике широкой научной общественностью. Власть продолжает игнорировать многочисленные замечания и предложения по практике реформирования академической науки. Становится все более очевидным, что авторы законопроекта о реформировании РАН, замахнувшись на радикальную трансформацию такого важнейшего социального института как академическая наука, ограничились лишь декларациями о важности реформы академической науки. Дальнейший мониторинг ситуации в РАН покажет, насколько продуманной была программа ее реформированная, поддерживаемая властью, без привлечения активных сил научно-академического сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Индикаторы науки: 2013. Стат. сб. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2013. 400 с.
2. Российский государственный архив экономики, ф. 1562, оп. 70, д. 4721, л. 9.
3. Российская академия наук: 2012. Стат. сб. М.: Институт проблем развития науки РАН, 2013.
4. Жорес Алферов вручил премию петербургскому физика, 2005 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ibk.ru/8529.html>. (дата обращения: 14.10.2014).
5. Президент поздравил российских педагогов с Днем учителя, 2010 [Электронный ресурс]. URL: http://www.youngscience.ru/includes/periodics/news_ani/2010/1005/00005916/detail.shtml. (дата обращения: 11.12.2015).
6. Подорванюк Н. Премия на 20 процентов российская. Газета.ru, 6 ноября 2010 г.
7. Цит. по: Пенкина О., Волчкова Н. Отойдя от фонаря. Поиск, 26 сентября 2007 г.

Получено 21.08.2017

О.Г. Аллавердян, кандидат психологічних наук, керівник Центру історії організації науки та наукознавства Інституту історії природознавства і техніки ім. С.І. Вавілова РАН, e-mail: sisnek@list.ru

РЕФОРМА РОСІЙСЬКОЇ АКАДЕМІЇ НАУК: ЯК ВОНА ПОЧИНАЛАСЬ У 2013 Р. (КАДРОВИЙ АСПЕКТ)

28 червня 2013 р. на розгляд Держдуми РФ винесено законопроект про реформування Російської академії наук (РАН). У статті наведено результати наукознавчого аналізу тез виступу О.Ю. Голодець, заступника голови уряду Російської Федерації із соціальних питань, спрямованих на доведення неефективності кадрового корпусу РАН: «серед 95 тисяч зайнятих у Російській академії наук наукових працівників, тих, хто займається наукою, лише 45 тисяч»; «сьогодні наша молодь відрізана від системи Академії наук: серед співробітників, що займаються науковими дослідженнями, більше половини дослідників знаходяться у пенсійному віці і старше»; «сьогодні за даними нашої офіційної статистики щорічно близько 2 тисяч молодих учених покидають Російську Федерацію, аби вести дослідження у закордонних інститутах»; «Академія наук має створити умови для розвитку науки, для реалізації потенціалу тих людей, які хочуть проявити себе на науковому терені». Показано некоректність використаних нею статистичних даних та

інших аргументів на користь прийнятого Держдумою РФ законопроекту про РАН. Зроблено висновок, що проміжні результати реформи РАН носять неоднозначний і суперечливий характер, піддаючись активній критиці науковою громадськістю, в той час як влада продовжує ігнорувати численні зауваження і пропозиції щодо реформування академічної науки.

Ключові слова: *Держдума РФ, Російська академія наук, законопроект про реформування РАН, наукові працівники, дослідники, науково-допоміжний персонал, молоді вчені.*

A.G. Allakhverdyan, PhD (Psychology),
director of Center for History of Organization of Science
and Science Studies at S.I. Vavilov Institute for Science and Technology History
at the Russian Academy of Sciences,
e-mail: sisnek@list.ru

THE REFORM OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES: HOW IT BEGAN IN 2013 (PERSONNEL ASPECT)

It was on June 23, 2013 that the draft law on reform of the Russian Academy of Sciences (RAS) was introduced to the State Duma of the Russian Federation for consideration. The article contains results of the author's review (made from science policy perspective) of the theses extracted from the report of O.Yu. Golodets, the deputy chairman of the Government of the Russian Federation on social issues, supposed to give evidence to ineffectiveness of the RAS personnel: «of 95 thousand research personnel employed by the Russian Academy of Sciences, those engaged in R&D are only 45 thousand»; «today, our youth is dissociated from the Academy of science system: of the employees performing R&D, more than the half of researchers are in pension age or older»; «according to our official statistics, nearly two thousand of young researchers flee from the Russian Federation each year, in order to conduct R&D in foreign institutes»; «the Academy of Sciences has to create the conditions required to develop R&D and implement the potentials of people seeking to prove themselves in the field of research». It is concluded that interim results of the RAS reform have ambiguous and contradictory character, being intensively criticized by the scientific community, whereas the authorities continue to ignore multiple comments and proposals on the reform of Academy R&D.

Keywords: *State Duma of the Russian Federation, draft law on reform of the RAS, research personnel, researchers, auxiliary personnel in R&D, young researchers.*